

*Посвящается маме,
которая первой дала мне
свободу писать.*

*И мужу, благодаря которому
у меня есть смелость продолжать
это дело.*

1

Андрес

АСЬЕНДА САН-ИСИДРО
НОВАБРЬ 1823

Тонкая полоса южного горизонта казалась идеальной линией — незапятнанной даже кляксами лошадей, стоящих вдаль и вскидывающих головы. Дорога зияла пустотой.

Экипаж уехал.

Я стоял спиной к воротам асьенды¹ Сан-Исидро. Высокие оштукатуренные стены белого цвета возвышались надо мной, словно кости давно почившего зверя, торчащие из темной, растрескавшейся земли. Где-то там за стенами, за домом и за свежеврытыми могилами позади капеллы, тлачикеро² несли мачете на поля колючей агавы. Скитаясь мальчишкой по этим полям, я узнал, что плоть агавы не поддается так же, как человеческая; тлачикеро поднимают мачете и обрушивают их раз за разом, и с каждым тупым ударом, нацеленным на добычу сладкого сока из сердцевины, они все лучше понимают, каково это — ощущать податливую

---

¹ Асьенда — крупное частное поместье, которое обычно представляло собой скотоводческую ферму или небольшую мануфактуру с батраками. (Здесь и далее — прим. перев.)

² Тлачикеро — человек, занимающийся приготовлением национального напитка пульке.

мякоть под металлом и каково это — пронзать сердцевины.

С мрачных холмов в долину пробрался легкий ветер; его сухая прохлада жалила мне щеки и увлажнившиеся глаза. Пришла пора возвращаться. Возвращаться к прежней жизни. Но от одной мысли, что придется обернуться и в одиночестве созерцать тяжелые деревянные двери Сан-Исидро, мои ладони стали липкими от пота.

Однажды я, сжав челюсть, переступил порог Сан-Исидро, и тому была причина. Причина, по которой я вошел в эти ворота, словно безрассудный юноша из легенд о путешествиях в подземелья.

Теперь этой причины не стало.

И все же я стоял посреди грунтовой дороги, ведущей прочь от Сан-Исидро, прочь от Апана, устремив взгляд на горизонт с одержимостью грешника, вставшего перед святым. Будто лишь силы моей скорби было достаточно, чтобы противостоять Божьей воле и вернуть экипаж. Вернуть женщину, которую у меня отняли. Эхо удаляющихся копыт и облака пыли, что они оставили за собой, вились в воздухе подобно зажженному копалу, насмехаясь надо мной.

Говорят, земная жизнь пуста без любви Господней. Что послушание утоляет боль от ран одиночества, ибо в служении Богу мы обретаем истинную любовь и целостность.

Но если Бог — это Отец, Сын и Святой Дух, если Он и есть Троица, то Бог ничего не знает об одиночестве.

Бог ничего не знает о сером утре, которое занимается у тебя за спиной, и коленях, что оказываются на пыльной дороге. О ссутулившихся плечах, на которые опускается тяжесть понимания, что можно быть не одиноким, и острого ощущения пустоты в груди.

Бог ничего не знает об одиночестве, потому что Бог не познал дружбы, как смертные: прижавшиеся друг к другу в темноте, кромешной и колючей, будто кто-то сдирает с костей кожу, доверяющие друг другу — даже когда Дьявол дышит им в затылок.

Острые камешки впивались мне в колени сквозь потертые брюки; я был слишком измучен, чтобы плакать, дыхание стало тяжелым.

Я знал, что чувствует агава. Я слышал свист мачете. Я ощущал, как грудь поддается тяжести удара. Я ведал, как мое сердце, мою сердцевину, пронзают, и сладкий мед агавы прокладывает влажные извилистые дорожки по впалой груди. А раны мои, стигматы грешника, дрожат и гноятся на солнце.

Бог ничего не знает об одиночестве.

Одиночество — это стоять на коленях в пыли, глядя на пустой горизонт.

В конце концов, не чернильные тени и не эхо многоголосого смеха Сан-Исидро сломили меня. И не страх вспарывал грудь.

Дело в том, что я потерял *ее*.

2

Беатрис

СЕНТЯБРЬ 1823

ДВУМЯ МЕСЯЦАМИ РАНЕЕ

Родольфо распахнул дверцу экипажа, и та скрипнула. Я заморгала, привыкая к свету, разлившемуся по юбкам и лицу, и как можно грациознее взялась за протянутую руку Родольфо. После нескольких часов заточения в экипаже и поездки по неровным проселочным дорогам мне хотелось выбраться из этой душной коробки

и вдохнуть свежего воздуха полной грудью, но я сдержалась. Мне была уготована роль чуткой и покладистой жены. Благодаря ей я унеслась прочь от столицы, подальше от мучений в доме дяди — в долину Апан.

Благодаря ей я оказалась перед высокой дверью из темного дерева, глубоко врезанной в оштукатуренные белые стены. Благодаря ей я сейчас щурилась от ослепительного марева лазурного сентябрьского неба, а широкие плечи и уверенные руки дона Родольфо Элихио Солорсано были рядом. В солнечном свете его волнистые волосы отливали бронзой, а глаза были почти такими же ясными, как небо.

— Вот и Сан-Исидро, — сказал он.

Асьенда Сан-Исидро. Я окинула взглядом тяжелую дверь, ее кованую отделку, высокие темные кольца на заборе и увядающую бугенвиллею, которая обвивала его, — соцветия и шипы, казалось, потеряли цвет и теперь погибали.

Я выросла среди пышных зеленых садов асьенды в Куэрनावаке и ожидала совсем другого, тем не менее таковой была моя победа. Мое спасение.

Асьенда была моей.

* * *

В нашу первую встречу с Родольфо, на балу в честь провозглашения Мексики республикой, он поделился, что его семья около двухсот лет владеет асьендой, где производится пульке¹.

Вот оно что, подумала я, наблюдая за тем, как граженные черты его гладко выбритого лица играют с тень-

---

¹ Пульке — мексиканский слабоалкогольный напиток, который производится из сока агавы.

ми свечей в бальной зале. *Вот как ваша семья сохранила деньги во время войны. У промышленности будут взлеты и падения, мужчины будут выжигать земли и убивать друг друга за императоров или республики, но страсть к выпивке никуда не денется.*

Мы станцевали еще один круг, а за ним — еще. Родольфо наблюдал за мной с проникательностью, которая, как я тогда поняла, была для него бесценным оружием.

— Расскажите мне об асьенде, — попросила я.

Это большое имение, ответил он, раскинувшееся на невысоких холмах к северу от Апана, откуда открывается вид на поля остроконечной агавы. Целые поколения его семьи жили там до войны за независимость¹, выращивали агаву и делали пультке — кислую брагу, которую потом отправляли на измученные жаждой столичные рынки. По его словам, их сады полны райских птиц и ласточек, парящих в воздухе, там есть большие шумные кухни для всех тлачикеро, слуг и членов семьи. Они справляют праздники в местной капелле — часовне, убранство которой составляют иконы и алтарь. В семнадцатом веке один из предков Родольфо вырезал этот алтарь, а последующие, более богатые, поколения позолотили его.

— Вы по ней скучаете? — спросила я.

Он не ответил; по крайней мере, прямо. Вместо этого он описал, как в долине Апан садится солнце: сначала насыщенный золотой цвет переходит в глубокий янтарный, а затем ночь резко и уверенно накрывает светило, будто задувает свечу. Темнота в долине

---

¹ Мексиканская война за независимость — вооруженный конфликт между народом Мексики и испанскими колониальными властями, продлившийся 11 лет — с 16 сентября 1810 по 27 сентября 1821 года.

густая и едва ли не осязаемая, и когда гроза крадучись спускается с холмов, молнии ртутью разливаются по полям агавы и серебрят острые листья растений, как шлемы конкистадоров.

Она станет моей, решила я тогда. То был проблеск интуиции, подхватившей меня в танце вместе с сильной и надежной рукой возлюбленного.

И асьенда стала моей.

Впервые с марта мне принадлежал весь дом.

Так почему же я не ощутила безопасности, когда громоздкие двери Сан-Исидро распахнулись перед нами и мы с Родольфо вошли во двор имения?

Едва заметная дрожь, словно порхание крыльев монарха, защекотала горло, когда я стала осматривать асьенду.

Постройки были прочные и нескладные, похожие на неуклюже расставленные конечности зверька, который никогда не вырастет. Сезон дождей подходил к концу, и в сентябре саду полагалось переливаться оттенками изумрудного, но скудная растительность во дворе была цвета земли. Дикая агава, больше похожая на сорняк и чахнувшая по обеим сторонам посеревшей капеллы — которая наверняка когда-то была белой, — усеивала всю лужайку перед домом. Угасающие райские птицы гнездились по разбросанным клумбам, а их покорные головы склонялись перед нашими шагами, шуршащими по гравийной дорожке. Воздух внутри Сан-Исидро был тяжелее и плотнее, будто я очутилась в странном, беззвучном видении, где штукатурка поглощала даже пение птиц.

Обойдя капеллу, мы прошли во внутренний двор. Родольфо жестом указал на два ряда слуг, выстроившихся перед своими жилищами и кухней в ожидании хозяев. Не успели они опустить головы, как десятки

черных сияющих глаз окинули меня холодными оценивающими взглядами.

Объяснив, что тлачикеро не вернутся с полей до заката, Родольфо представил мне слуг. Хосе Мендоса, некогда правая рука рабочего Эстебана Вильялобоса, который уже покинул службу, более десяти лет был учетчиком и отвечал за имение, пока Родольфо находился в столице. Мендоса снял и приложил к груди выцветшую шляпу, — его руки были в узлах от старости и труда; по возрасту он годился мне в дедушки.

Домоправительница Ана Луиза была женщиной лет пятидесяти. Ее стальные волосы были разделены пробором по центру, а косы туго оплетали голову, образуя внушительную корону. Рядом стояла ее дочь Палома, один в один мать, но с иссиня-черными волосами и круглым лицом. Остальные имена влетали мне в ухо и тут же вылетали; я слышала их, но ни одного не запомнила, так как моим вниманием завладела фигура в арочном проеме, ведущем во двор для слуг.

К нам подошла женщина — высокая, точно солдат, и с такой же развязной походкой. На ней была блеклая синяя юбка, обнажающая кожаные ботинки для езды в пятнах от пота; со шнурка вокруг шеи на спину свисала широкополая шляпа, которую, судя по цвету лица, обладательница носила не часто. Из-за долгого пребывания на солнце ее кожа стала бронзовой, а волосы — золотистыми.

Не стой под солнцем, иначе у тебя никогда не будет мужа, ехидно прошептала мне как-то тетя Фернанда, больно ущипнув за руку. Несмотря на то что она никогда не встречалась с моим отцом, а мать не рассказывала о его происхождении, тетю Фернанду это не заботило: цвета моих волос и лица ей было достаточно, чтобы признать меня нежеланной. Чтобы не позволить

стоять рядом с ее молочно-бледными дочерьми на балу, где я встретила Родольфо.

Поведение Фернанды свидетельствовало лишь о том, что это мне уготовано выйти замуж за «золотого» мужа, а не ее дочерям. Судьба не была ко мне благосклонна, но иногда ее мелочность играла мне на руку.

Женщина остановилась прямо напротив меня. Ее бледные глаза в точности отражали глаза Родольфо, волосы были того же цвета, позолоченные солнцем и разметавшиеся от ветра. Она быстро окинула меня откровенным взглядом — от начищенных черных туфель, на которые быстро оседала пыль, до перчаток и шляпы.

— Ты рано, — заявила она. — Полагаю, это моя новоиспеченная сестра?

Я приоткрыла рот от удивления. Кто? Родольфо лишь однажды упомянул сестру, и то вскользь. Ее звали Хуана, и она была на несколько лет моложе самого Родольфо. Ему минуло двадцать восемь, и я предположила, что в таком возрасте Хуана, должно быть, уже замужем. Родольфо никогда не говорил о ней и Сан-Исидро вместе.

— Кажется, вы расстроились, — сказала Хуана, после того как Родольфо представил меня. Ее повеселевший тон показался мне наигранным. — Разве Родольфо не предупредил вас обо мне? — Губы у нее были сухие и тонкие — настолько тонкие, что привлекательными их было сложно назвать. Они полностью исчезали, когда Хуана говорила; а зубы цвета слоновой кости, яркие и ровные, напоминали клавиши пианино.

— Не переживайте, я обычно сама по себе. Не буду даже путаться под ногами. Я живу вон там. — Она выпятила острый подбородок, указав на низкие здания между домом и капеллой.

Хуана живет не в доме семьи?

— Почему? — выпалила я.

Лицо Хуаны изменилось, вернувшись к прежнему выражению.

— В это время года в доме ужасные сквозняки, — произнесла она негромко. — Не правда ли, Родольфо?

Родольфо, слегка напряженный на вид, все же согласился с сестрой и улыбнулся ей в ответ.

Он ее стыдится, осознала я с удивлением. Но почему? Конечно, Хуана выглядела необычно, но была в ней некая непосредственность, которая напоминала мне папу и строгость его манер. Как будто они оба обладали ненавязчивой, естественной властью — такой, которая заслуживает уважения слуг.

Я даже будто почувствовала, как воздух смещается к Хуане, к ее неоспоримой важности. И тогда мне стало ясно. Не Родольфо хозяин этого дома. А Хуана.

В груди заворочался страх; в ответ я сменила позу, расправив плечи, как это делал отец. Мне нечего было бояться. Асьенда принадлежала мне. Я вышла замуж за ее хозяина, а Хуана сама предпочла жить среди слуг. Мне стоило бы радоваться, что Родольфо так стыдится сестры, что едва говорит о ней. Она мне не угроза. Пусть остается в этом дворе, в покоях слуг. Домом буду управлять я. Это мои владения.

Подобные мысли утихомирили тревожное чувство в груди. Мы еще недолго поговорили с Хуаной и, оставив слуг работать, прошли через арочный проем на главный двор.

Родольфо дважды спрашивал, не желаю ли я остаться в столице, в старой квартире его семьи, отделанной в стиле барокко, но я отказалась. Мне нужен был дом. Я хотела забрать маму от тети Фернанды, привезти ее сюда и показать асьенду. Я хотела